

На правах рукописи

Вострикова Наталия Вячеславовна

ТИПОЛОГИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
ЭКСПЕРИЕНТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Специальность 10.02.20 –
сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2010

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент
Калинина Елена Юрьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
доцент
Муравьева Ирина Анатольевна
Институт лингвистики
Российского государственного
гуманитарного университета

кандидат филологических наук
Майсак Тимур Анатольевич
Институт языкознания РАН

Ведущая организация: Институт востоковедения РАН

Защита диссертации состоится «___» _____ 2010 года на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Автореферат разослан « ___ » _____ 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. М. Белов

ВВЕДЕНИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Настоящая работа посвящена типологическому анализу средств выражения экспериентивного значения. Высказывания, в которых выражено *экспериентивное значение*, описывают опыт участия в некоторой ситуации; это подразумевает, что индивид участвовал в этой ситуации неопределенное количество раз, по крайней мере, один раз.

Предмет исследования

Предметом исследования являются языковые средства, «ответственные» за передачу экспериентивного значения. Так, в примере (1а) из английского языка этим средством является форма Перфекта настоящего времени (Present Perfect), в (1б) – Несовершенный вид прошедшего времени и отчасти наречие *когда-нибудь*, указывающее на неопределенность момента времени, но в принципе экспериентивная интерпретация возможна и без него. В японском предложении (1в) для передачи интересующего нас смысла используется конструкция с номинализацией¹ и бытийным глаголом со значением ‘нет, отсутствует’².

☞ *английский*

(1а) I have been to London.

Я бывал в Лондоне.

☞ *русский*

(1б) А ты видел когда-нибудь мертвецов? [Дмитрий Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ (1998)]³

☞ *японский*

(1в) kono hito wa yuki o mi-ta koto ga nai.
этот человек TOP снег ACC видеть-PST факт NOM нет:PRS

Этот человек никогда не видел снега.

Из трех рассмотренных выше примеров только японскую конструкцию с номинализацией можно назвать специализированным средством выражения экспериентивного значения, т. е. основной функцией японской конструкции *-ta koto ga aru/nai* является передача смысла ‘субъекту ситуации приходилось хотя бы раз совершать Р в некоторый неопределенный момент в прошлом’, в то время как в русском и английском языках мы имеем дело со случаями совмещения выражения

¹ Показатель *koto* – слово с изначальным значением ‘дело, факт’ – используется в японском языке для образования номинализаций.

² В утвердительном и вопросительном предложениях была бы использована форма бытийного глагола *aru* ‘есть, имеется’.

³ Пример взят из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

экспериментального значения с другими глагольными категориями. В рамках данного исследования рассматривались формы и/или конструкции обоих типов – как специализированные, так и те, у которых выражение экспериментального значения не является единственной функцией.

Цели и задачи исследования

Целью настоящего исследования является типологическое описание средств выражения экспериментального значения. Таким образом, это прежде всего эмпирическое исследование описательного характера. Однако в последние десятилетия в теоретической лингвистике явно превалирует объяснительный подход к наблюдаемым фактам, поэтому вторая цель диссертации состоит в выявлении механизмов, лежащих в основе «создания» языком формы для выражения данного смысла, а также в определении факторов, влияющих на возникновение у некоторой языковой формы экспериментальной интерпретации. Для достижения поставленных целей были выдвинуты следующие **задачи**:

- (i) выявление типов средств, используемых в различных языках для выражения экспериментального значения;
- (ii) определение релевантных признаков этих средств: формальная структура, семантика, диахронический источник;
- (iii) анализ взаимосвязей между различными стратегиями выражения экспериментального значения;
- (iv) объяснение механизма, которым «пользуется» каждый конкретный язык при выборе формы для выражения исследуемого значения.

Поставленные задачи решаются в рамках функционально-типологического подхода, основное положение которого состоит в том, что структура языка существует не сама по себе, а обусловлена в первую очередь функциями языка – когнитивной, коммуникативной и т. п.

В целом работа написана в рамках так называемой базовой лингвистической теории (БЛТ) (Basic Linguistic Theory) [Dixon 1997: 128–138]⁴, [Dryer 2001]⁵, которая лежит в основе большинства языковых описаний и работ по лингвистической типологии. Данная теория не предполагает использование формального метаязыка: грамматические явления описываются на любом естественном языке – русском, английском, французском и т. п. Преимуществом БЛТ является ее открытость: она может использовать достижения и концепции других подходов.

⁴ Dixon, R. M. W. *The rise and fall of languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁵ Dryer, M. S. *What is Basic Linguistic Theory* (<http://wings.buffalo.edu/linguistics/people/faculty/dryer/dryer/blt/>, 2002).

Актуальность и научная новизна работы

Актуальность выбранной проблематики обусловлена несколькими моментами. Во-первых, сама постановка задачи – описание средств выражения некоторой семантической зоны – органично вписывается в общее направление лингвистических исследований последних лет. На смену таксономической типологии, занимавшейся исчислением формальных средств, находящихся в распоряжении языков мира, приходит интерес к значению и способам его концептуализации в языке. Ср. постулат о примате значения, сформулированный в [Кибрик 1992: 24]⁶: «Исходными объектами лингвистического описания следует считать значения (и предопределяющие их исходные для речемыслительного процесса сущности) и им ставить в соответствие выражающие их языковые формы». Во-вторых, назрела необходимость обобщить разрозненные сведения об экспериентиве и восполнить существующие на данный момент лакуны. Экспериентив не относится к хорошо изученным категориям: современная лингвистика не располагает в достаточном объеме ни эмпирическими сведениями о способах выражения экспериентивного значения, ни теоретическими знаниями о факторах, влияющих на выбор формы в каждом конкретном языке. Недостаточная проработанность теоретических вопросов сказывается на качестве грамматических описаний, а лакуны в грамматических описаниях не позволяют развиваться теории. Требуется разорвать этот порочный круг, что и предполагается сделать в рамках данной диссертации.

Описание средств выражения экспериентивного значения на материале достаточно большого числа ареально и генетически не связанных языков проводится впервые, чем и обуславливается **научная новизна работы**.

Теоретическая и практическая значимость

В ходе исследования были получены следующие **теоретически значимые** результаты:

(i) рассмотрены основные семантические, референциальные, коммуникативные и дискурсивные характеристики предложений с экспериентивной семантикой;

(ii) предложена классификация типов экспериентивного значения;

(iii) описаны основные стратегии выражения экспериентивного значения; выявлены их формальные, синтаксические и семантические признаки;

⁶ Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

(iv) показано, что средства выражения экспериментивного значения являются частью единого семантического пространства.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты исследования могут быть использованы при описании конкретных языков, в частности, в полевой работе. В диссертации предложена базовая анкета, позволяющая выявить языковые средства и конструкции, используемые для выражения экспериментивного значения и его подтипов (Приложение №1). Кроме того, для ряда языков (коми, удмуртский, мордовский, нганасанский, селькупский, ирландский, арчинский, кечуа, чатино, суахили, бен) информация о средствах выражения экспериментивного значения была получена непосредственно в рамках данного исследования. Материал работы может быть полезен при подготовке учебных курсов по грамматической семантике и видо-временным категориям.

Материал

Материалом работы послужили грамматические описания и данные анкеты, полученные от носителей соответствующих языков. В ряде случаев материал был получен от специалиста по языку. Также привлекались типологические работы и статьи по отдельным вопросам грамматики.

В Приложении №1 предлагается анкета, которая будет полезна при сборе информации о средствах выражения экспериментивного значения. В Приложении №2 перечисляются основные источники данных для каждого языка выборки. Генетический указатель языков, упоминаемых в работе, содержится в Приложении №3

Апробация

Основные положения диссертации были представлены и обсуждены на Второй конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ноябрь 2005 г.), на международной конференции по времени, виду, наклонению и модальности «Хронос 7» (Антверпен, Бельгия, сентябрь 2006 г.), на Третьей конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ноябрь 2006 г.), на Тартуской международной конференции молодых филологов (Тарту, Эстония, апрель 2007 г.), на VII конференции Ассоциации лингвистической типологии (Париж, Франция, сентябрь 2007 г.), на конференции по языкам Кавказа (Лейпциг, Германия, декабрь 2007 г.). Также работа обсуждалась на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работа состоит из Введения, 4 глав, заключения и трех приложений. Во **Введении** обозначен предмет исследования, ставятся цели и задачи, обосновываются значимость и новизна работы.

Глава 1. Теоретические предпосылки и основные понятия исследования

В первой части первой главы поясняется выбор термина *экспериентивное значение*. Этот вариант был предпочтен как наиболее удачный фонетический аналог англоязычного термина *experiential*, используемого в зарубежных работах (например, [Comrie 1976: 56–65]⁷, [Dahl 1985: 132–133]⁸, [Томмола 1993: 136]⁹, [Bybee et al. 1994: 61–63]¹⁰). В некоторых русскоязычных работах ([Плунгян 2001: 176–177]¹¹, [Майсак, Татевосов 2001: 346]¹², [Майсак 2002]¹³ и др.), в том числе в моих собственных работах, в частности, в [Вострикова 2005]¹⁴, используется вариант *экспериентциальное значение*, однако он вызывает ассоциации с уже давно устоявшимся термином *экспериенцер*, который в данном случае может ввести в заблуждение. В отечественной лингвистической литературе широко распространен термин *общефактическое (обобщенно-фактическое) значение (констатация факта)*, изначально используемый для одной из разновидностей употребления формы несовершенного вида. Однако это ярлык для целой группы значений (см. варианты классификации в [Падучева 1996: 10–11]¹⁵, [Гловинская 1982: 117]¹⁶, [Зализняк, Шмелев 2000: 26]¹⁷, [Grønn 2004: 25]¹⁸). Предметом рассмотрения в

⁷ Comrie, B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

⁸ Dahl, Ö. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.

⁹ Томмола, Х. «Перфектное значение» в русском языке // Studia Slavica Finlandensia Tomus X. Helsinki, 1993.

¹⁰ Bybee, J. L., Perkins R., Pagliuca, W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

¹¹ Плунгян, В. А. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Том I. 2-е издание. М.: Издательство МГУ, 2001.

¹² Майсак, Т. А., Татевосов, С. Г. Ядерные формы глагольной парадигмы // Кибрик, А. Е. (ред.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.

¹³ Майсак, Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции. Дисс... канд. филол. наук. М., 2002.

¹⁴ Вострикова, Н. В. Типология средств выражения экспериентциального значения // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.). Материалы. СПб.: Наука, 2005.

¹⁵ Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

¹⁶ Гловинская, М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.

¹⁷ Зализняк, Анна А., Шмелев, А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.

данной работе являются не все разновидности общефактического значения (в традиционном аспектологическом понимании), а лишь то, которое Е. В. Падучева называет *общефактическим экзистенциальным*, а Атл Грённ *экспериентивным* значением.

Во второй части первой главы дается обзор литературы по теме исследования. В работах по перфекту и общефактическому значению НСВ выделяют следующие свойства экспериентивного значения:

(i) С семантической точки зрения, предложения с экспериентивным значением представляют собой опосредованную характеристику: сообщая, что X был хотя бы раз участником ситуации P, говорящий тем самым приписывает X-у определенные знания, свойства и т. п. (см. [Smith 1991]¹⁹, [Bybee et al. 1994]²⁰, [Iatridou et al. 2003]²¹, [Плунгян 2001: 176]²²).

(ii) С точки зрения референциальных свойств важно, что мы имеем дело не с индивидуальным событием, а с типовой ситуацией, именно отсюда возникает семантика характеристики (см. [Hedin 2000]²³, [Dahl, Hedin 2000]²⁴).

(iii) Следствием подобного референциального статуса является такое свойство экспериентивного значения, как нелокализованность во времени; в языке это проявляется в том, что формы, выражающие данное значение, неохотно сочетаются с обстоятельствами времени, задающими узкий временной интервал.

(iv) С точки зрения актуального членения, в тематическую часть попадает характеризуемый участник, вся остальная часть высказывания находится в реме, при этом акцент падает на компонент смысла 'имеет место' (см. [Mehlig 1991: 120]²⁵, [Падучева 1996: 36–37]²⁶).

¹⁸ Grønn, A. The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective. PhD thesis. Oslo: University of Oslo, 2004.

¹⁹ Smith, C. S. The parameter of aspect. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1991.

²⁰ Bybee, J. L., Perkins R., Pagliuca, W. Указ. соч.

²¹ Iatridou, S., Anagnostopoulou, E., Pancheva, R. Observations about the form and meaning of the Perfect // Alexiadou, A., Rathert, M., von Stechow, A. (eds.). Perfect explorations. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.

²² Плунгян, В. А. Указ. соч.

²³ Hedin, E. The type-referring function of the imperfective // Dahl, Ö (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. (Empirical approaches to language typology, 20: EUROTYPE. Vol. 6). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

²⁴ Dahl, Ö., Hedin, E. Current relevance and event reference // Dahl, Ö (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. (Empirical approaches to language typology, 20: EUROTYPE. Vol. 6). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

²⁵ Mehlig, H. R. Экзистенциальные и экспликативные вопросы // Russian linguistics. V. 15. 1991.

²⁶ Падучева, Е. В. Указ. соч.

(v) Дискурсивное функционирование таких высказываний характеризуется тем, что они служат отправной точкой для логических заключений (см. [Падучева 1996: 64]²⁷, [Хонг 2003]²⁸, [Шатуновский 2004: 374]²⁹, [Вострикова 2009]³⁰).

Глава 2. Методология исследования

Проблема определения и основные разновидности исследуемого явления обсуждаются в первой части второй главы. Во второй части предлагаются критерии, по которым выбирается нужная форма, если приходится иметь дело с грамматическим описанием, и контексты для анкеты по изучению средств выражения экспериментивного значения. В заключительном разделе главы обсуждаются проблемы типологической выборки и поясняется решение, которое было принято в данной работе.

Априори можно ожидать, что в языках мира могут быть противопоставлены следующие контексты.

- Одушевленный vs. немаркированный по одушевленности экспериментив.

В чистом виде такое противопоставление обнаружить не удалось. Наиболее близки к нему русские конструкции с глаголами *приходиться*, *доводиться* и *случаться*. Данные глаголы относятся к группе предикатов с дативным субъектом, для которых одушевленность участника является важным фактором (см. [Бонч-Осмоловская 2003]³¹). Предпочтительность одушевленного субъекта при *приходиться*, *доводиться* и *случаться* подтверждается корпусными данными: при попытке задать в НКРЯ запрос «дательный падеж + неодушевленность» при глаголах *приходиться*, *доводиться* и *случаться* не выдается ни одного релевантного примера.

Однако четкого запрета на употребление этих глаголов с неодушевленным субъектом нет. Представляется, что (2б) лучше, чем (2а), но, тем не менее, (2а) не является неграмматичным.

²⁷ Падучева, Е. В. Указ. соч.

²⁸ Хонг Тэк-Гю. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М.: Индрик, 2003.

²⁹ Шатуновский, И. Б. Общефактическое НСВ: коммуникативные функции и референция // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004.

³⁰ Вострикова, Н. В. Экспериментивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // Вопросы языкознания. № 3. 2009.

³¹ Бонч-Осмоловская, А. А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дисс... канд. филол. наук. М., 2003.

☞ русский

(2а)²Этой машине **доводилось/приходилось/случалось** попадать в аварию.

(2б) Эта машина бывала в аварии.

- ‘По крайней мере один раз’ vs. ‘несколько раз’.

В языке коми используются разные итеративные суффиксы для обозначения **однократного vs. многократного опыта** (ср. (3а) и (3б)). Однако не удалось обнаружить ни одной специализированной формы с таким противопоставлением.

☞ коми

(3а) **me pukav-l-i** **zona-in**
я сидеть-ITER-PST зона-LOC
Я сидел в тюрьме (один раз).

(3б) **me pukav-livl-i** **zona-in**
я сидеть-ITER-PST зона-LOC
Я сидел в тюрьме (много раз).

- Актуальный vs. неактуальный экспериентив.

Ряд языков чувствителен к наличию точки отсчета, не совпадающей с моментом речи. Такие языки имеют две формы для выражения экспериентивного значения, различающиеся таксисными характеристиками.

☞ японский

(4) Kare wa byooki ni kakat-ta koto ga **nai** // **nakatta**
он TOP болезнь DAT вешать-PST факт NOM нет:PRS // нет:PST
{ЛК: *Мой отец умер в прошлом году. Это было так неожиданно.*} Он никогда не болел.

Форма обычного экспериентива (со связкой в настоящем времени) возможна как более нейтральная, поскольку нет никаких указаний на то, что утверждение *Мой отец никогда не болел* не верно для настоящего момента. Неактуальный экспериентив будет предпочтен в тех случаях, когда говорящий хочет подчеркнуть неактуальность или даже ложность некоторого утверждения на момент речи, притом что оно было истинно относительно некоторого момента в прошлом. Например, если причиной смерти была все-таки болезнь, а не несчастный случай.

В работе обсуждается также противопоставление *экспериентивное значение vs. экзистенциальное значение*.

Экспериентивное значение = существование ситуации в неопределенном прошлом + идея характеристики:

(5а) Мне доводилось записываться в библиотеку, могу тебе рассказать, какие нужны документы.

В (5а) в первой клаузе выражено экспериментальное значение: благодаря тому, что ситуация ‘записываться в библиотеку’ была в жизни субъекта, он стал обладателем полезных знаний о том, что нужно для этой процедуры.

Экзистенциальное значение = существование ситуации в неопределенном прошлом:

(5б) Должна быть у вас моя карточка, я записывался.

В (5б) во второй клаузе выражено экзистенциальное значение: сообщается только о том, что ситуация ‘записываться в библиотеку’ имела место. Знания и свойства субъекта в данном случае нерелевантны, т. е. нет идеи характеристики. Речь идет о логической связи между ситуацией в момент речи (конфликт с поиском карточки) и ситуацией в прошлом, эта связь состоит в том, что существование ситуации *Я записывался* релевантно для настоящего момента (ср. [Падучева 1996: 64]³², [Шатуновский 2004: 372]³³).

Важность выделения такого противопоставления отчасти проиллюстрирована примером (5в): он аномален, т. к. в русском языке конструкции с глаголами *приходилось / доводилось / случалось* имеют дативный субъект, который, как правило, топикален, поэтому из таких высказываний трудно изъять идею характеристики. В связи с этим эти конструкции неприемлемы в экзистенциальных предложениях, сообщающих о существовании некоторой ситуации в прошлом, но не приписывающих участнику этой ситуации никаких свойств.

(5в) #Мне доводилось записываться в библиотеку, должна быть у вас моя карточка.

Кроме того, формы, ориентированные на экзистенциальное значение и на экспериментальное значение, по-разному ведут себя с обстоятельствами времени. Экспериментальное значение в чистом виде очень неохотно допускает указание на временной интервал, в пределах которого имела место ситуация; это связано с семантикой жизненного опыта: это не то, что можно получить вчера, на прошлой неделе и т. п. Таким образом, языки, ориентированные на экспериментальный тип, не допускают сочетания формы эксперимента с обстоятельствами времени.

³² Падучева, Е. В. Указ. соч.

³³ Шатуновский, И. Б. Указ. соч.

(6a) Kamu pernah makan ikan mentah?

ты EXPER есть рыба сырой

Ты когда-нибудь ел сырую рыбу?

(6б) *Kemarin kamu pernah makan ikan mentah?

вчера ты EXPER есть рыба сырой

В (6б) из индонезийского языка использование обстоятельства времени *вчера* делает предложение неприемлемым. Ср. странность русского предложения: ??*Мне доводилось вчера есть сырую рыбу.*

Во второй части второй главы предлагаются критерии, по которым выбирается форма для исследования, если приходится иметь дело с грамматическими описаниями, а также основные контексты, которые использовались в анкете:

Собственно экспириентив:

- 1) Тебя когда-нибудь кусала собака?
- 2) Меня никогда не кусала собака.
- 3) А: Моего сына собака укусила! Что делать?

В: Где мальчик? Меня тоже собака как-то кусала. Я знаю, что делать.

Неактуальный экспириентив:

- 4) Мой отец умер год назад. Это было так неожиданно! Он никогда не болел.
- 5) Во время поездки меня укусила змея, но я не испугалась. Меня уже кусала такая, и я знала, что она не ядовитая.

б) {А и В в зоопарке перед клеткой с тигром, А хочет знать, в первый ли раз В видит тигра} А ты до этого видел тигра?

Более подробная анкета предложена в Приложении №1.

В третьей части второй главы обсуждаются проблемы составления выборки и поясняется решение, которое было принято в данной диссертации.

В работе используется материал 51 языка, представляющего следующие языковые семьи: австронезийскую, алтайскую, афразийскую, западнопапуасскую, индоевропейскую, картвельскую, кечуа, майя, маку, нигер-конго, нило-сахарскую, отомангскую, пама-ньюнга, северокавказскую, сино-тибетскую, тайскую, уральскую, эскимосо-алеутскую.

С ареальной точки зрения, выборка включает **10 языков Европы** (болгарский, македонский, русский, чешский; английский; испанский, итальянский; ирландский; баскский; венгерский), **7 языков Кавказа** (адыгейский; даргинский; багвалинский;

агульский, арчинский, цахурский; сванский), **13 языков Северной Азии** (марийский, мордовский, удмуртский, коми; ненецкий, нганасанский, селькупский; татарский, турецкий, якутский; корейский; японский; удэгейский), **4 языка Юго-Восточной Азии** (китайский, тайский, цянский, насу), **4 языка Океании** (абун; индонезийский; мотлав, тири), **1 язык Австралии** (мартуйхунира), **7 языков Африки** (бен, дьямсай, суахили, супире; оромо, амхарский; сонгай), **5 языков Америки** (кечуа; хуп; цоциль; чатино; западно-гренландский). Всего в работе упоминается около **80 языков**.

Глава 3. Средства выражения экспериентивного значения

В третьей главе представлен основной эмпирический материал, собранный в ходе исследования.

В разделе 3.1 дается обзор языков, имеющих специализированную форму для выражения экспериентивного значения.

В большинстве случаев экспериентив представляет собой **аналитическую конструкцию**. Исключение, которое в некотором смысле подтверждает правило, – форма экспериентива в языке дьямсай, в котором показатель *-térè-* описывается как суффикс [Heath 2006]³⁴. Однако по поведению и по слоговой структуре данного показателя, которая не свойственна морфологическим элементам в догонских языках (В. А. Плунгян, л. с.), можно с большой долей вероятности предположить, что еще недавно это был вспомогательный глагол.

☞ *дьямсай*

(7) *tà:-ñùr^{nó} gó:-yè-∅ bè:-tè-lí-∅*
 леопард выходить- PF-3SG.S случаться-EXPER-PF.NEG-3SG.S

ká: tì-tá: gó:-yè-∅ ét-térè-m
 но гиена выходить-PF-3SG.S видеть-EXPER-1SG.S

Никогда не случилось видеть леопарда, но мне доводилось видеть гиену.

Среди аналитических экспериентивных конструкций можно выделить следующие стратегии.

- **Бытийная стратегия:** форма экспериентива имеет ту же структуру, что и бытийное предложение в этом языке.

³⁴ Heath, J. Jamsay grammar. Unpublished manuscript, 2006.

☞ удмуртский

(8a) Милям чебер книга-мы вань
мы.GEN красивый книга-POSS1PL есть
У нас красивая книга есть. [Алатырев (ред.) 1970: 104]³⁵

(8б) tinad vodka ju-il-em-ed van'-a
ты.GEN водка пить-ITER-NZR.PF-POSS2 есть-Q
Ты когда-нибудь пил водку?

Языки: японский, корейский, татарский, якутский, турецкий, удмуртский, ненецкий, цоциль.

- **Лексически мотивированные стратегии:** экспериментальная конструкция имеет вид AUX + V, где AUX восходит к какому-нибудь лексическому источнику.

☞ супире

(9) ma à na bwuu múgdà à луэ
ты PFCT мой фрукт сосать SC видеть
{ЛК: Ты говоришь, что мой листок вкусный}, но пробовал ли ты когда-нибудь мои плоды? [Carlson 1994: 344]

EXPER < 'проходить' (китайские языки, ряд тайских языков), *приходиться*, *доводиться*, *случаться* (русский язык), 'знать' (южноминьский, северо-восточный минь, сонгай, ряд языков Эфиопии), 'видеть' (супире), 'успевать, удаваться' (суахили).

- **Грамматикализация контрастивного глагольного фокуса:** форма экспериментива имеет ту же структуру, что и конструкция с контрастивным фокусом.

☞ даргинский (кункинский диалект)

(10a) b = eʃ-un-ce ak:u nu, b = elq'-un-ce ca = bi
[HPL]украсть:PF-PRET-ATR NEG PTCL [HPL]ломать:PF-PST-ATR PRS[HPL]
{ЛК: Слышал, у тебя машину украли} Ее НЕ УКРАЛИ, она СЛОМАЛАСЬ!

(10б) it čumna-k'al ag-ur-ce ca = wi nu
он как-INDEF идти.PF-PST-ATR PRS[M] PTCL
{ЛК: Где в Москве лучше покупать обувь? – Не знаю. Спроси у Расула} Он бывал там.

Языки: агульский, даргинский.

³⁵ Алатырев, В. И. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия, 1970.

В разделе 3.2 рассматриваются случаи совмещения выражения экспериментивного значения с другими категориями – перфектом, плюсквамперфектом и итеративом. Здесь же обсуждается нейтральная стратегия – принцип, согласно которому в экспериментивных контекстах используется наименее маркированная форма для референции к прошлому.

- **Перфектная стратегия:** в экспериментивных контекстах используется форма перфекта.

☞ *бен*

(11a) уі́е! jēj dō ó ŋ sǒbi' nān
 ой собака INDEF он.PST я.obj кусать PFCT
Ой! Меня собака укусила!

(11б) jēj wǎ mīn sǒbi' sà dō é?
 собака он.PST.NEG ты.obj кусать PFCT.NEG INDEF NEG
Тебя когда-нибудь кусала собака?

В данном разделе рассматриваются как языки с синхронным перфектом, так и языки с претеритом, про который известно, что он имеет перфектное происхождение.

Языки: (с синхронным перфектом) английский, испанский, болгарский, македонский, баскский, бен, тири, абун, западно-гренландский; (с претеритом < перфект): французский, итальянский, немецкий, славянские языки (чешский, польский, русский и др.), марийский, венгерский, селькупский, нганасанский.

- **Плюсквамперфектная стратегия:** в экспериментивных контекстах используется форма плюсквамперфекта.

- В значении неактуального экспериментива.

☞ *итальянский*

(12) Avevi mai visto una tigre?
 иметь:IMPFCT:2SG когда-либо видеть:PRT.PF.m INDEF.f тигр
А ты (до этого) видел тигра?

Языки: с развитой системой относительных времен.

- В значении собственно экспериментива.

☞ *адыгейский*

(13) а-š' а fedew ә-ве-тәсә-ва-в
 этот-ERG этот подобный 3SG.a-CAUS-посадить-PST-PST

{ЛК: – Это хороший сорт картошки? – Не знаю. Спроси у моего брата.} Он сажал такой.

Языки: адыгейский, арчинский, татарский, корейский.

- **Итеративная стратегия:** для выражения экспериментального значения используется форма, семантика которой описывается в терминах предикатной множественности.

☞ *бамана*

(14a) kóŋri- ` bɛ̀ dɛ̀lí kà sà̀n sógò- mìn ná..
хлопок-ART IMPF привыкать IMPF покупать образ-ART этот POST
Поскольку мы обычно покупаем хлопок <...> [Dumestre 1981–1992]³⁶

(14б) ń má̀ dèli kà tága yèn
1SG NEG.PF привыкать INF идти туда
Я никогда там не был. [там же]

Языки: коми, удмуртский, мордовский (шокшинский диалект), кечуа, стандартный тайский, бамана, мартуйхунира.

- **Нейтральная стратегия:** использование наименее маркированной (прежде всего, с семантической точки зрения) формы для референции к прошлому.

☞ *багвалинский*

(15) mē di = w waš-u-ba dand w = uku-jle?
ты я.OBL=GEN.M брат-OBL-AFF навстречу M=оказываться-Q
Ты (когда-нибудь) встречался с моим братом? [Майсак, Татевосов 2001: 345]³⁷

Языки: багвалинский, цахурский, арчинский, чатино, хуп.

Нейтральный принцип действует и при **выборе вида** в языках с видовым противопоставлением: выбирается та видовая форма, которая, с одной стороны, способна обозначать ситуацию как единое целое, а, с другой стороны, в наименьшей степени маркирована с точки зрения указания на конкретную фазу ситуации (начало, достижение предела и т. п.).

В языках с «**лимитативным видом**» такой немаркированной формой является перфектив (дагестанские языки); в языках с «**комплетивным видом**» перфектив (совершенный вид), как правило, маркирован с точки зрения предельности, поэтому предпочитается несовершенный вид как менее маркированный член оппозиции. Однако в каждом конкретном случае все зависит от того, как устроено видовое противопоставление в языке: в ряде западнославянских языков (польском, чешском) в экспериментальных контекстах возможен и совершенный вид.

³⁶ Dumestre, G. Dictionnaire bambara-français. Paris: INALCO, 1981–1992.

³⁷ Майсак, Т. А., Татевосов, С. Г. Указ. соч.

• Коммуникативно-мотивированные стратегии

В языке мотлав³⁸ (южноокеанийская ветвь австронезийской семьи) экспериентивное значение может быть передано тремя способами: обычный претерит (тривиальный случай; эта форма обозначает любую единичную ситуацию в прошлом, результат которой не имеет места в настоящем), показатель завершенности действия *mal* (16) и партитивный оборот с тем же показателем *mal* (17).

☞ *мотлав*

(16) Nēk **mal** visipsis?

ты АСР рожать

Тебе уже доводилось рожать?

(17) Nēk **mal** simok te mu?

ты АСР курить PART POSS:2SG

Ты когда-нибудь курил? (досл. Ты уже получил свою часть курения)

Данный показатель предполагает наличие актуализированной информации. В утвердительных контекстах мы имеем дело с верификацией, т. е. с подтверждением того, что уже введенная в рассмотрение ситуация действительно имеет место. В вопросительных предложениях в фокусе находится информация о том, имела / имеет ли место уже актуализованная ситуация.

Использование *mal* в экспериентивных высказываниях свидетельствует о том, что жизненный опыт в мотлав концептуализуется как множество заранее известных возможностей. Сообщение о жизненном опыте X-а – это указание на то, какие элементы этого множества релевантны для X-а. По своим свойствам данная стратегия близка к конструкции, используемой в агульском и даргинском языках: атрибутивное причастие, используемое в составе формы экспериентива, как правило, передает уже актуализированную информацию.

«Неграмматические» средства:

- наречия: ‘когда-нибудь, когда-либо’, ‘никогда’;
- интонация: интонационное выделение предиката;
- закрепление экспериентивной интерпретации за определенными формами некоторых лексем (18).

☞ *английский*

(18) Bill has been to America

³⁸ Я выражаю благодарность Александру Франсуа, исследователю меланезийских языков, который любезно предоставил свои материалы по языку мотлав.

В третьей части главы обсуждаются мотивация стратегий и связи между ними.

Мотивация специализированных конструкций

Все специализированные конструкции имеют довольно прозрачную внутреннюю структуру, по которой можно восстановить исходную связь между формой и передаваемым ею смыслом.

В наивысшей степени иконична бытийная стратегия. Опыт концептуализуется как объект обладания.

Кавказская стратегия (конвенционализация аккомодации пресуппозиции) появилась в результате дальнейшей грамматикализации контрастивного фокуса на глаголе. Семантика контраста подразумевает идею об ассоциированном с выделенным элементом множества и о процедуре выбора из этого известного обоим собеседникам множества [Янко 2001: 47]³⁹, [Паршин 1988]⁴⁰. Таким образом, в ассерцию предложений, содержащих контраст, входит не описание некоторого события, а указание на то, что уже введенная в рассмотрение ситуация действительно имеет место. Такие высказывания часто имеют оттенок категоричности и безапелляционности. Для предложений с экспериментивным значением данные коммуникативные свойства важны в связи с особенностями их дискурсивного поведения. Как уже отмечалось, информация о том, что ситуация определенного типа имела место, важна, как правило, не сама по себе, а как отправной пункт для построения логического вывода; если с этой отправной точкой что-то не так, то это ставит под угрозу успех всей коммуникации. Соответственно, спрашивая, имел ли собеседник опыт определенного типа, говорящий хочет знать, может ли он опираться на эту информацию как на аксиому (на факт) для продолжения цепочки рассуждений (*Если это так, то его можно спросить о том-то и о том-то; если это не так, то он мне не поможет*). В утвердительных или отрицательных высказываниях говорящий предлагает адресату использовать или, наоборот, не использовать некоторую информацию для дальнейшего логического вывода или для оценки последующей части дискурса.

Аналогичный механизм действует в языке мотлав: в сообщениях и вопросах о жизненном опыте часто используется показатель *mal*, маркирующий пресуппозицию (раздел диссертации 3.2.6).

Интонационное оформление утвердительных высказываний с экспериментивным значением в русском языке (раздел диссертации 3.2.7.2) совпадает

³⁹ Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.

⁴⁰ Паршин, П. Б. Сопоставительное выделение как коммуникативная категория. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.

с контрастивным фокусом на глаголе. В свете материала языка мотлав и, главным образом, агульского и даргинского языков этот факт стоит рассматривать не как случайное совпадение, а как свидетельство близости этих двух значений.

Лексические источники экспериентивных показателей относятся к трем семантическим зонам:

(i) движение (*приходиться, доводиться* в русском, ‘проходить’ в китайском и ряде тайских диалектов);

(ii) восприятие (‘видеть’ в супире);

(iii) способность (‘знать’ в ряде языков Африки; ‘успевать, удаваться’ в суахили).

В случае с русскими глаголами *приходиться* и *доводиться* опыт концептуализуется как ситуация, которая сама пришла к субъекту (ср. [Майсак 2002]⁴¹). Интересно отметить, что в некотором смысле данные конструкции представляют собой «динамический тип» бытийной стратегии: СИТУАЦИЯ Р ПРИШЛА К X-у → у X-А ЕСТЬ Р.

Другим частым источником возникновения экспериентивного показателя является конструкция с глаголом ‘проходить’ (китайский язык, ряд тайских языков). В [Майсак 2002] предлагается следующее объяснение мотивации возникновения у данного глагола экспериентивного значения: «<...> пройденный путь в пространстве осмысливается как некоторый период времени, пережитый субъектом и включающий определенные события как “вехи” на этом пройденном пути (ср. русское *Я через все это в свое время уже **проходил***)».

Мотивация использования глаголов ‘видеть’ и ‘знать’ в составе экспериентивных конструкций довольно прозрачна. Первый отсылает к самой ситуации получения опыта: субъект, которому доводилось принять участие в некоторой ситуации, как правило, имеет возможность наблюдать саму ситуацию. Кроме того, глагол ‘видеть’ во многих языках имеет тенденцию обозначать не только восприятие ситуации, но и последующую ментальную обработку поступившей зрительной информации. Ср. англ. *I see* ‘понятно, досл. я вижу’; итал. *Si vede* ‘ясно, понятно’ (от глагола *vedere* ‘видеть’), баск. *Ikusiko duzu* ‘вот увидишь, поймешь’. Таким образом, *видеть ситуацию* = *понимать, знать ситуацию*. См. также [Sweetser 1992]⁴², где показано, что глаголам восприятия типа ‘видеть’ и ‘слышать’ свойственно становиться ментальными глаголами.

⁴¹ Майсак, Т. А. Указ. соч.

⁴² Sweetser, E. E. English metaphors for language: motivations, conventions and creativity // *Poetics today*. 13:4. 1992.

Использование глагола 'знать' в составе экспериментивных конструкций связано с таким важным аспектом экспериментивной семантики, как приобретение определенных знаний и опыта вследствие участия в ситуации.

Глагол *wahi* 'успевать, удаваться' в языке суахили имеет сложную семантику. Так, в словаре [Громова, Макаренко, Мячина 1987]⁴³ ему приписываются значения 'быть вовремя; прибывать вовремя или заблаговременно', 'успевать', 'делать дело в должное время', 'быть готовым (наготове)', 'удаваться', 'мочь, уметь', 'опережать, обходить, обставить', 'приходиться, доводиться'. Поэтому проследить точный путь грамматикализации довольно трудно. По-видимому, возникновение экспериментивной семантики у конструкции с этим глаголом связано с компонентом значения 'мочь, уметь'. Если субъекту удалось сделать X, значит, он приобрел необходимые навыки для того, чтобы быть способным снова принять участие в подобной ситуации.

Принцип выбора формы

Мотивация коммуникативно-мотивированной стратегии в языке мотлав уже обсуждалась выше в связи с агульским и даргинским экспериментивом. В случае с нейтральной стратегией, а также с выбором вида в языках с комплетивным типом видового противопоставления речь идет не о совмещении выражения экспериментивного значения с какой-либо категорией, а о «дефолтном» принципе: данная форма выбрана не потому, что какие-то элементы ее семантики особенно близки экспериментивному значению, а потому, что она не содержит в себе таких компонентов, которые бы противоречили реализации экспериментивной интерпретации. Нейтральная стратегия используется языком тогда, когда другие члены глагольной системы обладают какими-то специфическими оттенками значений (акцент на результате, на достижении предела, на косвенном источнике получения информации, на том, что вводится в рассмотрение только срединная фаза ситуации (в случае с имперфектом в языках с лимитативным видом) и т. п.), что препятствует возникновению у этих форм экспериментивного значения.

Рассмотрим теперь те категории, появление у которых экспериментивной интерпретации связано с особенностями их семантики. Это перфект, итератив и плюсквамперфект.

Перфектная семантика и экспериментивное значение имеют ряд общих свойств. Во-первых, «классический» перфект описывает ситуацию в прошлом, последствия

⁴³ Громова, Н. В., Макаренко, В. Г., Мячина, Е. Н. Суахили-русский словарь. М.: Русский язык, 1987.

которой релевантны в момент речи. Опыт вполне может быть таким «последствием». Во-вторых, характерной чертой перфекта является нелокализованность во времени: форма перфекта сигнализирует, что некоторое событие имело место до момента речи, но никак не соотносит это событие с конкретной точкой на шкале времени. В-третьих, перфектные формы часто подают ситуацию как тип ситуаций (*type-focussing*) [Dahl, Hedin 2000]⁴⁴. В случае с экспериентивным значением мы также имеем дело с типовой ситуацией.

Мотивация использования показателей предикатной множественности (итеративная стратегия) довольно подробно обсуждается в диссертации [Шлуинский 2005]⁴⁵. Автор отмечает, что «многократное (и тем более регулярное) участие в ситуации является в своем роде более “качественным” и достоверным опытом участия в ней, чем однократное». Кроме того, и семантика предикатной множественности, и экспериентивное значение предполагают характеристику участника. Так, *убийцей* можно назвать и того, кто убил хотя бы раз, и того, кто регулярно убивает людей. Например, в кечуа в составе конструкции со значением *хабитуалиса* в прошедшем употребляется причастие, которое также может функционировать как имя деятеля. В итоге, в некоторых контекстах *хабитуальные* употребления и употребления в качестве имени деятеля формально не различимы.

Другой точкой соприкосновения показателей предикатной множественности и экспериентива является свойство кратности, которое считается определяющим для экспериентивной семантики. В [Гловинская 1982]⁴⁶, [Падучева 1996]⁴⁷, [Dahl 1985]⁴⁸ (со ссылкой на [Inoue 1975]⁴⁹), [Kiparsky 2002]⁵⁰ и др. отмечается, что потенциальная повторяемость ситуации является необходимым условием для возникновения экспериентивной интерпретации. Так, для глаголов, обозначающих ситуации, которые в норме не повторяются, экспериентивное прочтение затруднено.

И, наконец, итератив это также способ указать на отсутствие точной локализации во времени (см., например, [Бондарко 2003: 217–226]⁵¹, где повторяемость рассматривается как один из типов временной нелокализованности).

⁴⁴ Dahl, Ö., Hedin, E. Указ. соч.

⁴⁵ Шлуинский, А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс... канд. филол. наук. М., 2005.

⁴⁶ Гловинская, М. Я. Указ. соч.

⁴⁷ Падучева, Е. В. Указ. соч.

⁴⁸ Dahl, Ö. Указ. соч.

⁴⁹ Inoue, K. Studies in the perfect. Unpublished dissertation. University of Michigan, 1975.

⁵⁰ Kiparsky, P. Event structure and the perfect // Beaver, D. I., Casillas Martínez, L. D., Clark, B. Z., Kaufmann, S. (eds). The construction of meaning. Stanford: CSLI Publications. 2002.

⁵¹ Бондарко, А. В. (ред.) Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1971.

Плюсквамперфектная стратегия выражения экспериментального значения зафиксирована в тех языках, где плюсквамперфект используется не только в таксисном значении, но и как форма, помещающая действие в закрытый временной интервал, в зону так называемого «сверхпрошлого» (см., например, [Плунгян 2001: 71]⁵²; [Сичинава 2001: 95–97]⁵³; [Сичинава 2005]⁵⁴). Одним из эффектов такого помещения ситуации в закрытый временной интервал может быть несоотнесенность с конкретной точкой на шкале времени: такие формы сообщают, что ситуация когда-то имела место, однако конкретный момент времени становится нерелевантным. Это сближает плюсквамперфект с экспериментальным. Кроме того, как отмечается в [Сичинава 2005]⁵⁸, формы плюсквамперфекта имеют тенденцию использоваться в значении аннулированного результата ‘ситуация имела место, но ее результат отменен’. Как правило, три этих значения – прекращенная ситуация, аннулированный результат и экспериментальное значения – присущи форме плюсквамперфекта одновременно (хотя экспериментальное значение, по-видимому, возникает позже первых двух).

Значение аннулированного результата в определенном смысле близко к экспериментальному значению: все фазы ситуации имели место, но результат был отменен (это подразумевает, что участники ситуации потенциально способны принять в ней участие еще раз). При экспериментальном значении также подразумевается, что ситуация имела место, однако конкретный результат, следующий из лексического значения глагола, неважен. Различие состоит только во временном интервале, который вводится в рассмотрение. В случае с экспериментальным значением этот интервал, как правило, вся жизнь участника ситуации, в случае с аннулированным результатом он может быть меньше.

В заключительном разделе третьей главы обсуждаются связи между выделенными стратегиями выражения экспериментального значения. Показано, что все они существуют не изолированно друг от друга, а образуют единое семантическое пространство.

⁵² Плунгян, В. А. Антираезультатив: до и после результата // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики: глагольные категории. Вып. 1. М.: Русские словари, 2001.

⁵³ Сичинава, Д. В. Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики: глагольные категории. Вып. 1. М.: Русские словари, 2001.

⁵⁴ Сичинава, Д. В. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы. Дисс... канд. филол. наук. М., 2005.

Глава 4. Экспериментив как грамматическая категория

В четвертой главе обобщаются имеющиеся данные о специализированных средствах выражения экспериментивного значения. В первой части главы речь идет о генетической и ареальной дистрибуции экспериментива. Вторая часть посвящена взаимодействию экспериментива с другими грамматическими категориями. В третьей части рассмотрен вопрос о том, как может быть устроена система экспериментива.

Ареальное и генетическое распространение

Даже несмотря на то, что выборка, используемая в работе, имеет значительные лакуны, трудно отрицать тот факт, что существуют ареалы, в которых экспериментив обнаруживается достаточно легко. На это обращает внимание еще Э. Даль, отмечая, что языки, в которых зафиксирована категория экспериментива, сконцентрированы в Африке и Восточной Азии. На основании результатов моего исследования можно утверждать, что зона распространения экспериментива несколько шире. Во-первых, в этот список нужно включить Северную Азию: так, экспериментив был обнаружен в ряде тюркских и уральских языков. Во-вторых, видимо, «перспективным» ареалом с точки зрения обнаружения экспериментива является Дагестан.

Специализированные средства выражения экспериментива засвидетельствованы в следующих семьях: АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ (индонезийский, сунданский, яванский); АЛТАЙСКАЯ (корейский; японский; татарский, турецкий, якутский); АФРАЗИЙСКИЕ (камбаата, либидо, оромо; амхарский, гумер, звай, мухер, уолане); ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ (русский); МАЙЯ (цоциль); НИГЕР-КОНГО (сото, суахили; супире; дьямсай; исекири; кпелле); НИЛО-САХАРСКИЕ (сонгай); НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ (агульский; даргинский); СИНО-ТИБЕТСКИЕ (китайский (мандаринский диалект и другие); цянский; насу); ТАЙСКИЕ (мулам, суй; буи, чжуан; ли); УРАЛЬСКИЕ (ненецкий; удмуртский).

Из семей, представленных в выборке, экспериментив не был обнаружен в ЗАПАДНОПАПУАССКИХ, КАРТВЕЛЬСКИХ, ОТОМАНГСКИХ, ЭСКИМОСО-АЛЕУТСКИХ языках, а также в КЕЧУА, МАКУ, ПАМА-НЬЮНГА и в языке-изоляте баскском.

Формальное устройство

Можно выделить три основные формальные техники, используемые для «создания» данной формы:

- Афро-азиатский вариант: AUX + V

Так, в языках Азии и Африки (а также в русском) преобладает модель со вспомогательным глаголом. В качестве лексического источника для маркера

экспериментива выступают глаголы ‘проходить’, ‘знать’, ‘видеть’, ‘успевать, удаваться’, ‘приходить’, ‘доводить’.

- Урало-алтайский вариант: NZR + бытийная связка

Удивительное единодушие демонстрируют алтайские и уральские языки, в которых представлена бытийная стратегия, в соответствии с которой для выражения экспериментивного значения используется конструкция с номинализацией и бытийной связкой ‘есть, имеется’, ‘нет, отсутствует’. Также бытийная стратегия представлена в языке цоциль.

- Нахско-дагестанский вариант: грамматикализация глагольного фокуса контраста

В агульском и даргинском языках форма экспериментива представляет собой грамматикализацию особой коммуникативной структуры – контрастивного фокуса на глаголе.

Экспериментив и другие категории

- Экспериментив и отрицание: показатель экспериментива всегда сохраняется при отрицании (в том числе и в тех языках, в которых возможно несимметричное отрицание).
- Экспериментив и типы высказываний: вывод Э. Даля⁵⁵ о том, что экспериментив более часто употребляется в неутвердительных типах высказываний, по-видимому, не правомерен.
- Экспериментив и видо-временные категории:
 - показатель экспериментива, как правило, не сочетается с показателями будущего времени (однако этот параметр требует отдельного изучения);
 - экспериментив + перфект = «релевантный» экспериментив (китайский, индонезийский, яванский, дьямсай);
 - экспериментив возможен для предикатов любого акционального класса (кроме предикатов индивидуального уровня);
 - экспериментив + эвиденциальность = опыт, информация о котором получена не напрямую (агульский, татарский).

⁵⁵ «... it appears that the occurrence of EXPER is favoured by non-affirmative contexts, i.e. questions and negated sentences. Of the top ten examples in table 5.5., five are of that kind. This is natural, since this is where we find non-specific reference to generic events» (Dahl, Ö. Указ. соч.).

Система экспериентива

- минимальный вариант: одна базовая форма;
- расширения системы за счет противопоставления *актуальный vs. неактуальный экспериентив*, взаимодействия с перфектом и эвиденциальностью.

Заключение: основные результаты работы

Основные результаты исследования, проведенного на материале более 50 языков, состоят в следующем:

(i) Предложены параметры, в отношении которых могут варьировать средства выражения экспериентивного значения. Во-первых, это тип субъекта опыта (одушевленный vs. неодушевленный). Во-вторых, это противопоставление «однократный (немаркированный по кратности) vs. многократный опыт». В-третьих, в языке могут различаться актуальный и неактуальный экспериентив. Анкета, предлагаемая в Приложении №1, позволяет выявить, какие из этих параметров релевантны для исследуемого языка.

(ii) Рассмотрен вопрос о связи экспериентивного значения с экзистенциальным. Экспериентивная семантика подразумевает два основных компонента: существование ситуации в неопределенном прошлом и характеристика субъекта опыта. Если изъять идею характеристики, то останется только экзистенциальное значение, которое в свою очередь не чувствительно к величине временного интервала.

(iii) Описаны основные стратегии выражения экспериентивного значения (глава 3). Специализированный экспериентив выражается преимущественно аналитически. Однако зафиксированы случаи дальнейшей морфологизации экспериентивного показателя (язык дьямсай; в агульском языке форма имеет прозрачную внутреннюю структуру, но по просодическим свойствам близка к синтетической). Выявлено три основных типа специализированных экспериентивных конструкций (раздел 3.1):

- бытийная стратегия (ряд уральских и алтайских языков, язык цоциль);
- конструкции со вспомогательными глаголами;
- конструкция, представляющая собой дальнейшую грамматикализацию констративного глагольного фокуса (агульский, даргинский).

Среди лексических источников экспериентива зафиксированы глаголы движения ('проходить', *приходиться*, *доводиться*), восприятия ('видеть') и способности ('знать', 'удаваться', 'успевать').

Неспециализированные средства выражения экспериментивного значения обсуждались в разделе 3.2. Это, в первую очередь, использование форм перфекта, итератива и плюсквамперфекта. Кроме того, в языке может действовать нейтральный принцип: в экспериментивных контекстах используется наименее маркированная форма для референции к прошлому. В разделе 3.2.7 обсуждались «неграмматические» средства выражения экспериментивного значения, прежде всего, наречия и интонация.

(iv) Показано (раздел 3.3), что средства выражения экспериментивного значения образуют единое семантическое пространство. Были рассмотрены вопросы мотивации использования того или иного языкового средства для выражения экспериментивного значения.

(v) Рассмотрен вопрос о взаимоотношении экспериментива с другими категориями (перфектом, временем, отрицанием, эвиденциальностью).

Публикации

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Вострикова Н. В. Экспериментивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // Вопросы языкознания. № 3. М.: Наука, 2009. С. 19–31.

Вострикова Н. В. Предложения с экспериментивной семантикой: особенности интонации // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 469–479.

Вострикова Н. В. Экзотические категории в русском языке: экспериментив // Русская филология. 19: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Тартуский университет, 2008. С. 170–174.

Вострикова Н. В. Бытийные предложения и экспериментив: формальные и функциональные параллели // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы (Санкт-Петербург, 2–4 ноября 2006 г.). СПб.: Нестор – История, 2006 г. С. 25–31.

Vostrikova N. The status of the experiential: is it a TAM category? // International conference on tense, aspect, mood, and modality. Abstracts (18–20 September 2006, University of Antwerp, Belgium). P. 120.

Вострикова Н. В. Типология средств выражения экспериментивного значения // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.). Материалы. СПб.: Наука, 2005. С. 39–42.